

Стратегии вторичного дебюта Анастасии Цветаевой и их последствия

Литературный дебют Анастасии Цветаевой состоялся в 1915 г., когда была издана книга «Королевские размышления. 1914», через год последовала вторая книга — «Дым, дым, дым. 1916»¹. В 1920-е гг. А. Цветаеву по рекомендациям Н. Бердяева и М. Гершензона принимают во Всероссийский Союз писателей. Однако ни одно из ее произведений, написанных в этот период, не появляется в печати, за исключением мемуарного очерка «Поездка к Горькому» (1930). В 1937 г. А. Цветаеву исключили из Союза писателей, и вскоре она была арестована. При конфискации архива в 1938 г. все рукописи ее произведений пропали. Следующей публикацией Анастасия Цветаева заявила о себе в 1966 г., когда появились отрывки из ее «Воспоминаний». Можно говорить о том, что именно эта книга стала ее «дебютом» (первое издание — 1971 г.), так как долгое время о ранних произведениях писательницы не было известно.

В данной работе будет сделана попытка проследить историю публикаций «Воспоминаний» и определить последствия восприятия данного текста для литературной репутации А. Цветаевой.

Впервые отдельные главы «Воспоминаний» были опубликованы в журнале «Новый мир» (1966, № 1–2) под заглавием «Из прошлого». Публикацию предваряла небольшая заметка редактора, в которой писательница была представлена читателю как автор «фрагментов из книги о М. Горьком», напечатанных в «Новом мире» (1930, № 8–9): А. Цветаева выступила под псевдонимом А. Мейн и «рассказала о своих встречах и разговорах с М. Горьким в Сорренто. <...> Ныне А. И. Цветаева заканчивает большую автобиографическую книгу о детстве и юности, которую мы частично предлагаем вниманию читателей»². Таким образом, в литературу А. Цветаева вступает под «покровительством» М. Горького, чье имя в советской литературе служило своеобразным пропуском и гарантией надежности. Указание на мало кому памятную публикацию 1930 г. легитимизировало печатание глав из воспоминаний как благонадежного текста отнюдь не литературного дилетанта, а умолчание о творческой деятельности в период с 1930 г. легко прочитывалось как вынужденное молчание (арест и ссылка).

В первых разрешенных к публикации и, по мнению редакторов, интересных для читателя фрагментах «Воспоминаний» основное внимание уделяется рассказу об отце, о похоронах Л. Н. Толстого и повествованию о детстве сестер; в заключении полностью перепечатан текст 1930 г. о Горьком. В начале предисловия к публикации говорится о том, что писательница — «дочь известного деятеля русской культуры Ивана Владимировича Цветаева» и только в конце (после упоминаний о Льве Толстом и революции 1905 г.) указывается, что в воспоминаниях будет рассказано и о Марине Цветаевой.

Последнее играло решающую роль в силу перераспределения акцентов в читательских ожиданиях и в результате определенных трансформаций литературного поля 1960-х гг. Имя Марины Цветаевой «возвращалось» в русскую литературу, набирая необычайную популярность. В 1960–1966 гг. вышли две книги М. Цветаевой: «Избранное» (М., 1961) и книга в серии «Большая библиотека поэта» (М., 1965), небольшие публикации появились в периодике: «Кирилловны» (сб. «Тарусские страницы», Калуга. 1961), «Два лесных царя» (сб. «Мастерство перевода. 1963», М., 1964), «Отец и его музей» («Простор», 1965, № 10). Ариадна Эфрон свидетельствовала о том, что книгу Цветаевой переписывали от руки в Ленинской библиотеке, так как, выпущенная тиражом в 20 000 экземпляров, она была раскуплена мгновенно. 25 октября 1962 г. состоялся вечер в память 70-летия М. Цветаевой в Литературном музее в Москве с первым публичным исполнением ее стихов, подобный вечер прошел и в Центральном Доме литераторов. На этой волне все растущей известности любые сведения о жизни поэта³ были востребованы как никогда, потому «Воспоминания» А. Цветаевой мгновенно становятся популярными.

Что касается журнала, опубликовавшего отрывки из «Воспоминаний», то «Новый мир» был одним из самых читаемых журналов 1960-х гг. Социальные и культурные изменения в после-оттепельные годы привели к «сдвигу литературы в сторону “жизни” с заметным понижением значимости собственно литературных оценок»⁴. Литература в этот период стремится определяться «в терминах жизненной правды»⁵, и именно документально-художественная словесность пользуется спросом среди читателей (в качестве примера можно назвать трилогию И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которая, кстати, была опубликована в «Новом мире» незадолго до цветаевского текста). Таким образом, появление фрагментов «Воспоминаний» в «Новом мире» объясняется не только содержащимися в них сведениями о Марине Цветаевой, но и проводимой редакцией журнала политикой.

Сразу же после публикации фрагментов «Из прошлого» в «Новом мире» литературовед и один из редакторов первого сборника стихов Марины Цветаевой, А. Саакянц, пишет (но не отправляет) письмо А. Цветаевой⁶. В этом письме исследовательница обращает внимание на интересующий нас момент — стратегии публикации. Упреки Саакянц в адрес Анастасии Цветаевой можно свести к трем пунктам:

- Употребление фамилии «Цветаева». А. Саакянц обвиняет автора в том, что в 1930 г. она взяла фамилию Мейн, желая отмежеваться от сестры. «А сейчас — сейчас Марину Цветаеву медленно, но верно начинают признавать. И уж во всяком случае подписывать свои сочинения этой фамилией совсем не опасно»⁷. Саакянц считает, что А. Цветаева — «еще не писатель, а рядом с сестрой — тем более. И в этом случае, я считаю, Вам следовало бы изобрести себе другое литературное имя»⁸. Интересно упоминание Саакянц о том, что в это время журнал «Новый мир» отклонил прозу Марины Цветаевой («Пушкин и Пугачев»), т. е. текст Анастасии Цветаевой признали более надежным, что возмущает автора письма. По этому же поводу А. Эфрон писала: «...не ерунда то, что Ася устроила в «Новый мир» свои воспоминания о Горьком и еще что-то, и таким образом лежащая там два года подборка маминих стихов «накрылась» окончательно; *двух Цв<етаевых>* журнал поместить, естественно, не может, а та, настоящая Цв<етаева>, писала о ком угодно, только не о Горьком <...> Теперь путь маме (– и *её* прозе) — надолго заказан в этот единственный порядочный журнал»⁹.

- Представление Марины Цветаевой в невыгодном для нее свете. «...любви-то и не ощущается в Ваших записках; они очень односторонни, однобоки <...> Вы не приводите ни одного факта, который бы положительно, красиво, а главное — *масштабно*, высоко бы характеризовал Марину Цветаеву»¹⁰. Далее автор письма возмущается тем, что А. Цветаева приводит письмо М. Горького к ней («добытое из архива»), в котором тот неодобрительно отзывался о творчестве М. Цветаевой и Б. Пастернака, когда обоих «с таким трудом начали наконец печатать»¹¹. Т. е. А. Цветаева обвиняется в присвоении символического капитала, «законно принадлежащего» ее сестре.

- Внешнее сходство с прозой Марины Цветаевой. Указывается на «несамостоятельность» прозы Анастасии Цветаевой: «в них недостает глубины и силы, всякий раз оборачиваясь какою-то, простите, пустяковостью»¹².

Как показала история, опасения А. Саакянц и А. Эфрон были напрасными: во многом именно книга А. Цветаевой «породила цветаевский бум»¹³. Однако в другом они оказались правы: Анастасия Цветаева

«в сознании читателя стала полномочным представителем Цветаевой среди живых»¹⁴, что подтверждают и многочисленные мемуарные свидетельства, исходящие из окружения Анастасии Ивановны — к ней приходили как к сестре Марины Цветаевой и, в первую очередь, искали в ней сходства с сестрой, желали получить сведения о жизни М. Цветаевой, услышать ее стихи.

В 1967 г. писательница отдает рукопись «Воспоминаний», долгое время находившуюся в редакции «Нового мира» без движения, в издательство «Советский писатель». И началась вторая часть, по определению П. Антокольского, «многоотомной эпопеи — «хождение рукописи по рукам» <...> тоже своего рода творчество — его этапы терпение, терпение и терпение...»¹⁵ Директором издательства в то время был Николай Васильевич Лесючевский, известный ныне как автор доносов, на основании которых были арестованы и уничтожены многие писатели. Его работа с редакторами сводилась во многом к жесткой цензуре произведений. Тем не менее, А. Цветаевой повезло с редактором: им была назначена внештатный сотрудник «Советского писателя» Маэль Исаевна Фейнберг-Самойлова. Благодаря ее стараниям редактирование и продвижение рукописи по извилистым путям советской книгоиздательской системы увенчались успехом — выходом книги в 1971 г. тиражом 30 000 экземпляров (следует отметить, что М. Фейнберг оставалась редактором всех последующих изданий «Воспоминаний»). Факт выхода книги «Воспоминаний» А. Цветаевой в 1971 г. отмечен в хронике культурной жизни 1970-х гг., составленной И. Уваровой и К. Роговым¹⁶, что свидетельствует о значимости этого события для того времени.

На книгу было напечатано две рецензии — в престижном журнале «Новый мир» и в молодежно-массовом издании ВЛКСМ — журнале «Смена»¹⁷. Автор «новомирского» отзыва, Павел Антокольский, поэт и критик — номенклатурная фигура советской культурной системы, признанная, тем не менее, либеральной советской интеллигенцией. За пять лет до издания «Воспоминаний» он опубликовал рецензию на книгу стихов М. Цветаевой (1966, № 4); с его предисловием было напечатано эссе М. Цветаевой «Два лесных царя»; он готовил к публикации большую статью о драматических произведениях поэта. К тому же он был знаком с М. Цветаевой, являлся адресатом нескольких ее стихотворений 1920-х гг., а также одним из персонажей «Повести о Солнечке», написанной в 1938 г. Таким образом, его отклик на книгу Анастасии Цветаевой был вполне ожидаем. Рецензия оказалась, мало сказать, хвалебной — А. Цветаева напишет ему в письме: «Стыдно

знать это — обо мне. Как вы пишете! Так не пишут сейчас!»¹⁸. С точки зрения Антокольского, вниманию читателей была предложена «удивительная, вдохновенная книга: проза, насыщенная электричеством памяти»¹⁹. «Воспоминания» сравниваются с книгой Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» и романом Ч. Диккенса «Дэвид Копперфильд», и таким сопоставлением мемуары А. Цветаевой помещаются в ряд давно признанной и хорошо известной читателю литературы. В целом, цветаевский текст оценивается Антокольским в методологических рамках советской литературной системы, «ориентированной на чистое воспроизводство литературного канона, классикалистской и адаптивной по своему социокультурному содержанию и смыслу»²⁰.

Однако существовали и менее восторженные оценки «Воспоминаний». В письме В. Н. Орлову, редактору первых двух книг М. Цветаевой, Ариадна Эфрон так характеризует «Воспоминания»: «В книге А. И. главный недостаток тот, что пишет она о сестре в *физическом*, а не в *духовном* измерении <...> В книге Ася всё время незримо, подспудно, и м. б. неосознанно, соревнуется с Мариной, выправляет её — собою <...> писать без проекции Марины состоявшейся на Марину в процессе становления, пожалуй, не стоило бы...»²¹. Как и в приводившемся выше письме А. Саакянц, в оценке А. Эфрон заметно нежелание «делиться» символическим капиталом, накопленным к тому времени вокруг фигуры М. Цветаевой, в ее словах различимо стремление «возвысить» образ матери и в то же время монополизировать право на такое возвышение. Видимо, к тому времени образовались две группы, претендовавшие на единственно верное формирование и распространение наследия и репутации Марины Цветаевой. Центром одной группы являлась Анастасия Цветаева, другой — Ариадна Эфрон. Участники групп практически не пересекались и имели различную сферу влияния. При анализе критических отзывов следует учитывать принадлежность критика к той или иной группе, так как довольно часто оценка напрямую не зависела от содержания текста, но была направлена на канал его поступления, что, впрочем, характерно для замкнутого «кружкового» существования литературы²².

Отмечая художественную и познавательную ценность книги (советские литературно-критические клише), Антокольский упоминает о том, что «Воспоминания» сразу же разошлись во всех книжных магазинах (что свидетельствует о читательской популярности книги). По воспоминаниям друзей А. Цветаевой, ей пришлось около 3000-х тысяч читательских писем. Уже в марте 1973 г. А. Цветаева подает Лесючевскому за-

явление о втором издании своих мемуаров («умучена письмами, просьбами о книге»²³), и в 1974 г. тиражом 100 000 экземпляров выходит их второе издание.

Следующее крупное произведение писательницы — «Сказ о звонаре Московском» — было напечатано в журнале «Москва» (1977, № 7). В этом же журнале было опубликовано продолжение «Воспоминаний» (1981, № 3–5).

В конце 1970-х–в 1980-е гг. «Москва» примыкала к национально-патриотическому, а чуть позже религиозно-православному направлению журнальной политики. Идеологическая платформа журнала в те годы не декларировалась открыто, но достаточно легко угадывалась благодаря целенаправленному отбору публикуемых текстов. Подобное последовательное формирование журналами своей программы и своего круга читателей позднее, в начале 1990-х гг., привело к тому, что «влиятельность журналов была выше, чем у недавно возникших политических партий»²⁴. Итак, в результате публикаций в «Москве» не только расширилась читательская аудитория «Воспоминаний», но и роль автора «Воспоминаний» была переосмыслена. Выделяя ролевой репертуар интеллигенции послесталинских десятилетий, исследователи также пишут о наиболее почитаемых фигурах, среди которых есть Свидетель — тот, кто «осуществляет ... принципиальную для интеллигенции функцию — соединение времен. Он либо патриарх по возрасту, либо «осколок» иного мира, другой культуры, или помнит эпоху до нынешнего ее состояния (до революции), или свидетельствует о предельном опыте (лагерь), или же доносит образцы инокультурного существования ...»²⁵ Думается, именно роль Свидетеля была актуализирована в восприятии Анастасии Цветаевой в 80-е и в начале 90-х гг.: в качестве составляющих авторитета выступало не только родство с Мариной Цветаевой, но сама принадлежность к дореволюционному времени, лагерный опыт и, особенно, православное вероисповедание писательницы.

Предваряя публикацию текста в «Москве», Анастасия Цветаева пишет: «В “Воспоминаниях” у меня не было нарочитой цели написать о Марине; абстрагировать ее от себя мне было бы неестественно. Но в этих записках о моей жизни не пропущено о Марине ни одного воспоминания за последнее десятилетие совместной с ней жизни»²⁶. Последние слова, видимо, предваряют возможные нападки со стороны «эфроновской» группы (самой А. Эфрон к тому времени не было в живых), А. Цветаеву не раз упрекали в избыточности текста: наличии страниц, не имеющих отношения к М. Цветаевой.

В среде цвѣтаевѣдов дополненное издание «Воспоминаний» вновь вызывает возмущение, на этот раз за рубежом. Открытое письмо в адрес Анастасии Цвѣтаевой публикует будущий автор большой монографии о М. Цвѣтаевой Виктория Швейцер²⁷. Швейцер обвиняет Цвѣтаеву в намеренной лжи («...в Вашей книге есть ложь <...> утвержденная Вами ложь может со временем показаться или быть выданной за правду»²⁸), в намеренном искажении или сокрытии многих фактов (в частности, неприятия М. Цвѣтаевой советской власти, собственного ареста и др.) и, особенно, — в недопустимости концепции самоубийства сестры²⁹. В заключение Швейцер практически повторила слова А. Саакянц: «...Вы могли бы написать правду для будущего, “в стол”. А если и это вам не по силам, есть еще один хороший способ не принимать участия во лжи — молчать»³⁰. Не вдаваясь в подробности разрешения этого конфликта, отметим, что и А. Саакянц, и В. Швейцер (обе были близки к А. Эфрон) указывали на неправомерность принятия Анастасией Цвѣтаевой на себя функции «замещения сестры». Действительно, А. Цвѣтаева на протяжении всего творчества подчеркивает «близнецовость», «сиамское» сходство с сестрой, объясняя этим свое исключительное право на понимание сестры, на близость к ней (на последних страницах «Воспоминаний» она употребляет словосочетание «я, в сани сестры Марины»³¹). В целом А. И. Цвѣтаева претендовала не только на роль судьи в оценке личности и значения творчества сестры посредством родственной связи с ней, но и на общность дара, («семейного») таланта.

Заметим, что позднее, в книге «Быт и бытие Марины Цвѣтаевой» (Париж, 1988), В. Швейцер не раз обратится к «Воспоминаниям» Анастасии Цвѣтаевой как к источнику сведений о жизни сестры, однако обвинения и упреки будут оставлены за рамками этой монографии.

На открытое письмо В. Швейцер в парижском «Синтаксисе» были опубликованы несколько ответов из СССР. Автор одного из них, Ю. Коган, скорее, защищает А. Цвѣтаеву, называя ее книгу явлением русской культуры, «знаком времени»³². Авторскую же интерпретацию многих фактов она предлагает рассматривать сквозь призму «религиозности» А. Цвѣтаевой. Анонимное письмо-ответ, за подписью «от переводчика», звучит более резко, местами даже грубо: «Она <А. Цвѣтаева. — О. В> делает капитал на родстве с М. Цвѣтаевой и знакомстве с М. Горьким <...> на глупую А. Цвѣтаеву никто внимания не обращает <...> писала не серьезная писательница, а мелкая, завистливая натура <...> Она — отражение нашей вынужденной посредственности...»³³ Легко заметить, что группа апологетов Анастасии Цвѣтаевой стремилась сохранить по-

зицию самостоятельной значимости ее творчества и узаконить авторитетность данных ею оценок и интерпретаций прошлого, тогда как группа критиков Анастасии Цвѣтаевой боролась не только за исключение нежелательных (в ее формулировке — «ложных») представлений о М. Цвѣтаевой, но и отрицала наличие писательского таланта у ее сестры.

На фоне спора двух групп выделяется статья Адольфа Урбана — «Память и лица», посвященная разбору третьего издания «Воспоминаний». Статья появилась в журнале «Звезда»³⁴, многолетним сотрудником которого являлся критик. А. Урбан давно интересовался феноменом мемуарной литературы, один из немногих, он пробовал обобщить и систематизировать мемуарную (в его терминологии — автодокументальную) прозу³⁵. Не вдаваясь в рассуждения по поводу истинности изображаемого, в согласии с собственными критериями критик попытался установить жанровую природу «Воспоминаний»: «По многим признакам она <книга — О. В. > похожа на автобиографический роман. И на исторический... и на семейный... Наконец, на роман психологический...» В статье подчеркивалась документальная составляющая книги воспоминаний: «активная реставрирующая работа памяти без сомнения подкреплялась документальными источниками — дневниками, письмами, фотографиями, чтением и перечитыванием литературы». Творческий метод А. Цвѣтаевой критик определил следующим образом: «отталкиваясь от разрозненных фактов», писательница стремится «найти их сцепление, не только логику рациональную, но и эмоциональную». Степень достоверности описанного в «Воспоминаниях» критик оставил за рамками разговора: автор «дает свою версию, свою интерпретацию, свою эмоциональную оценку. Но для нее это непреложный факт». Возможно, статья А. Урбана — единственная попытка взглянуть на «Воспоминания» как на литературный текст, так как, по верному замечанию исследователей, «собственно критики, размечающей границы между литературой и не-литературой, в этой словесности не было». Если данная литература выходила к читателю, то «не в литературном качестве, а как документ»³⁶, и ее оценка предreshалась заранее средой приобщенных.

Символический капитал А. Цвѣтаевой, накопленный к середине и концу 1980-х гг., позволяет сделать предварительный вывод о ее известности среди широкой публики (подписчиков «Москвы», «Юности», «Огонька» и др. журналов, популярных в постперестроечный период). Однако изменения литературного процесса в 90-е гг. повлияли и на литературную репутацию Анастасии Цвѣтаевой. Практически все ее

книги, за исключением «Воспоминаний», которые были переизданы в 1995 и 2002 гг., были забыты, статус Свидетеля потерял свою актуальность, и таким образом перед современной читательской аудиторией писательница предстает только как автор одной мемуарной книги о сестре.

В 2008 г. был выпущен двухтомник «Воспоминаний» Анастасии Цветаевой (6-е изд.). Как показал С. Элиот³⁷, издательские и полиграфические решения в привлечении внимания к книге влияют на восприятие самого текста произведения, иначе говоря «структура авторитетов и адресатов издателя воплощается в его коммуникативных стратегиях (бестселлер, различные серии и библиотечки, реклама, журнальные приложения, символические вознаграждения читателей и др.), входит в образ издаваемой книги — объем ее тиража, тип бумаги и обложки, формат, шрифт, оформление, цену и т. д., что делает все эти признаки значимым социальным фактом»³⁸. Последнее издание «Воспоминаний» оформлено по аналогии с книгами, посвященными М. Цветаевой, в издательстве которых принимает участие Дом-музей Марины Цветаевой³⁹: с фотографиями на передней и задней сторонах обложки, с бордовой полосой чуть ниже середины, с заглавием и именем автора, набранными белым шрифтом, с небольшой фотографией автора в правом углу, с узнаваемым шрифтом самого текста, типом бумаги — читатели мгновенно распознают принадлежность книги к «цветаевской» серьезной серии. Издания этого типа отличают хорошо подготовленные комментарии, вступительные статьи, отредактированные тексты. Материальность книги (шрифт, бумага, тип типографской печати и др.) задает однозначную стратегию чтения — это книга о Марине Цветаевой, а не «Воспоминания» сестры о собственной жизни. Тем не менее, на волне внимания к новым публикациям всего, что связано с М. Цветаевой (письма, записные книжки и др.), изданная в шестой раз книга «Воспоминаний» пока еще не была отрецензирована ни в одном «толстом» журнале, хотя, возможно, это объясняется тем, что со дня продаж (книга появилась на прилавках московских магазинов в начале февраля 2009 г.) прошло не так много времени.

Согласно внешнему принципу иерархизации, т. е. в соответствии с количественным показателем (количество изданий, тиражи) и со степенью известности автора, «Воспоминания» Анастасии Цветаевой можно считать бестселлером мемуарной литературы⁴⁰. В 2000-х гг., когда дифференциация литературы и читательских групп усилилась, наследие писательницы находит свой читательский спрос, что выражается как в последних изданиях ее книг, так и в появлении публикаций

о ней на страницах «толстых» журналов («Новый мир», «Октябрь» и др.). К этому прибавим, что телеканал «Культура» показал к 110-летию со дня рождения писательницы новый документальный фильм «Последний день Анастасии Цветаевой» (реж. Екатерина Тютина, 2004). Интересно, что в 1976 г., с готовностью откликаясь на просьбу А. Цветаевой написать рекомендацию в Союз писателей, П. Антокольский заметил: «...я думал, Вы уже давно числитесь членом СП. Если же этого не произошло, — значит ... не было нужды в нормальном закреплении явной очевидности: разве не ясно, что вы — ПИСАТЕЛЬ — и еще какой»⁴¹. Однако впервые имя Анастасии Цветаевой было зафиксировано в российском «писательском» словаре только в 2003 г., в справочнике С. И. Чуприна⁴². Правда, среди прозаических публикаций Цветаевой в статье Чуприна не упомянуты роман «Апог», книги рассказов, сказок и многочисленные журнальные публикации. Тем не менее, важен сам факт включения ее имени в названную энциклопедию, потому что, например, в последнем, изданном в 2009 г. словаре под редакцией И. О. Шайтанова⁴³ имя А. Цветаевой отсутствует, хотя здесь, по мнению рецензентов, «соблюди определенный кворум и активно осветили писателей второго и третьего ряда, имевших или имеющих успех у читателя, либо сыгравших важную роль в своем жанре, вне зависимости от абсолютного литературного достоинства»⁴⁴, и, по нашим сведениям, в начальном варианте словаря статья об А. Цветаевой предполагалась.

Таким образом, статус писательницы Анастасии Цветаевой до сих пор остается спорным, и, следовательно, сохраняется противоречивость оценок ее творчества, в том числе и «Воспоминаний» — ее наиболее известного произведения

Примечания

- ¹ Оба произведения переизданы в: *Цветаева А.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Изобраз, 1996.
- ² Новый мир, 1966, № 1. С. 79. На самом деле к тому времени рукопись «Воспоминаний» была почти закончена, по позднему свидетельству А. Цветаевой, текст был написан в 1962–1967 гг. (*Москва*, 1981, № 3. С. 116).
- ³ В эти же годы возникает первая волна интереса к М. Цветаевой на Западе, именно в 1966 г. появляется первая биография поэта — Karlinsky S. Marina Cvetaeva: her life and art. Berkeley: University of California Press, 1966.
- ⁴ Рейтблат А., Дубин Б. Групповая динамика и общелитературная традиция: Отсылки к авторитетам в журнальных рецензиях 1820–1978 гг. / *Рейтблат А.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 225.

- ⁵ Там же. С. 226. В редакционном заявлении «Нового мира» (1964, № 10) основным достоинством произведения провозглашалась «непосредственная правда жизни».
- ⁶ Письмо было опубликовано позднее. См.: *Саакянц А.* «Спасибо вам!...». Воспоминания, письма, эссе. М.: Эллис Лак, 1998. С. 55–57.
- ⁷ Там же. С. 57.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Эфрон А. История жизни, история души: В 3 т. Т. 2. Письма 1955–1975. М.: Возвращение, 2008. С. 191–192. Несмотря на опасения А. Эфрон, проза М. Цветаевой публиковалась в журналах «Москва» («Дом у старого Пимена», 1966, № 7), «Литературная Армения» («История одного посвящения, 1966, № 1) и др.; в 1967 г. вышла книга прозы М. Цветаевой («Мой Пушкин», Москва, 1967).
- ¹⁰ Саакянц А., «Спасибо вам!...». С. 56.
- ¹¹ Там же. С. 57.
- ¹² Там же. С. 55.
- ¹³ *Блюмбаум А.* Умерла Анастасия Цветаева / Новейшая история отечественного кино. 1986–2000. Кино и контекст. СПб.: Сеанс, 2004, Т. VI. Цит. по: http://www.russiancinema.ru/template.php?dept_id=3&e_dept_id=5&e_chrdept_id=6&e_chr_id=760&chr_year=1993.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Гений памяти: переписка А. И. Цветаевой и П. Г. Антокольского. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. С. 66.
- ¹⁶ Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К. Ю. Рогов. М.-Венеция, 1998. С. 29–74.
- ¹⁷ В отзыве Г. Трефиловой (Книга жизни, *Смена*, 1972, № 8. С. 19), согласно советским стандартам рецензирования, «Воспоминания» рекомендовались читателям как «драматическая, полная напряженной внутренней жизни история замечательной семьи русского интеллигента-демократа».
- ¹⁸ Гений памяти. С. 98.
- ¹⁹ *Антокольский П.* Проза и память // *Новый мир*, 1972, № 6. С. 250.
- ²⁰ *Зоркая Н.* Литературная критика на переломе эпох // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 69. С. 278.
- ²¹ *Эфрон А.* История жизни, история души, С. 381–382.
- ²² Об этом подробнее см.: *Гудков Л., Дубин Б.* Параллельные литературы: попытка социологического описания / Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 65–103.
- ²³ Там же. С. 109.
- ²⁴ *Менцель Б.* Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб.: Академический проект, 2006. С. 132.
- ²⁵ *Гудков Л., Дубин Б.* Идеология бесструктурности: интеллигенция и конец советской эпохи / Интеллигенция. С. 266.
- ²⁶ Москва, 1981, № 3. С. 116.
- ²⁷ *Швейцер В.* Открытое письмо Анастасии Цветаевой // *Синтаксис*. Париж, 1982, № 10. С. 217–232.
- ²⁸ Там же. С. 218.
- ²⁹ Напомним: Цветаева была убеждена в том, что сын М. Цветаевой, Мур, в небольшой степени был виновен в самоубийстве матери. В последующих изданиях «Воспоминаний» А. Цветаева высказывалась по этому поводу не столько прямолинейно и однозначно.
- ³⁰ Там же. С. 232.
- ³¹ Москва. 1981. № 5. С. 158.
- ³² Полемика по поводу открытого письма В. Швейцер // *Синтаксис*. Париж, 1982, № 10. С. 233–238.
- ³³ Там же. С. 235–236.
- ³⁴ *Звезда*. 1984, № 8. С. 203–206.
- ³⁵ См. его статьи: «Автодокументальная литература» (*Звезда*, 1970, № 10. С. 193–204), «Художественная автобиография и документ» (*Звезда*, 1977, № 2. С. 192–208).
- ³⁶ *Гудков Л., Дубин Б.* Параллельные литературы: попытка социологического описания. С. 86.
- ³⁷ *Элиот С.* Формат, авторское право, цена: некоторые материальные векторы в литературной культуре // *Новое литературное обозрение*, 2002, № 73 (2002). С. 360–366.
- ³⁸ *Гудков Л., Дубин Б., Страда В.* Литература и общество: введение в социологию литературы / <http://novruslit.ru/library/?p=39>.
- ³⁹ См., например: *Цветаева М.* Долг повелевает петь. М.: Вагриус, 2005; *Цветаева М., Руднев В.* Надеюсь — сговоримся легко. Письма 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2005; *Цветаева М., Пастернак Б.* Души начинают видеть. М.: Вагриус, 2008 и др. Следует отметить, что тираж этих книг стандартный — 5 000 экз.
- ⁴⁰ В частности, «Воспоминания» названы «классикой жанра» (имеется в виду мемуарный жанр) на одном из читательских форумов в Интернете. См.: <http://www.moscowbooks.ru/forum/topic.asp?id=1163>.
- ⁴¹ Гений памяти. С. 115. После долгих хождений и просьб Анастасия Цветаева была принята в Союз писателей только в 1980 году.
- ⁴² *Чупринин С.* Новая Россия. Мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: В 2 т. Т. 2. М.: Вагриус, 2003. С. 596.
- ⁴³ Русские писатели XX век. Биографический словарь / Сост. Игорь Шайтанов, М.: Просвещение, 2009.
- ⁴⁴ *Ганиева А.* Свободная переключка. О литературных персоналиях XX века от А до Я // *ExLibris НГ*, 26 марта 2009 г. Цит. по: http://exlibris.ng.ru/non-fiction/2009-03-26/7_biography.html.